

УДК 94(100)«1914»

Евгений Сахновский

**Цивилизационный разлом:
реакция британского общественного мнения на агрессию
Центральных держав против Сербии и Бельгии
(конец июля – начало августа 1914 года)**

Дипломатическая история предвоенного кризиса 1914 года хорошо известна по многочисленным исследованиям на разных языках. Значительно меньше внимания обращается на зафиксированный многими современниками небывалый ажиотаж, охвативший в предельно короткое время население самых передовых стран Европы, в том числе – интеллектуальную элиту. Почему это случилось? Этот вопрос задавали уже тогда Ромен Роллан, Бертран Рассел, Бернард Шоу и другие, а в послевоенное время рефлексия над случившимся стала неотъемлемой частью сознания т.н. «потерянного поколения». Тема «великого прощания с прошлым», в котором начало войны представлялось теперь «часом Страшного суда», впечатляющее раскрыта в художественной литературе.

Понять «военный дух 1914 года» пытались и историки, хотя, впрочем, без особых надежд на успех. «Этот провоенный феномен не поддается исследованию, а его объяснения слабы и неубедительны», - констатировал еще в начале 80-х годов прошлого века Роналд Стромберг¹. С тех пор, несмотря на существенное усовершенствование методики исследования интеллектуальной истории², эта тема не привлекала внимания исследователей. В частности, не учитывались различные цивилизационные представления населения стран-участниц Первой мировой войны. Об их реальном уровне развития (экономическом, политическом, военном) написано более чем достаточно. Речь идет именно о представлениях как образованной элиты, так и населения одной страны об уровне цивилизованности (нецивилизованности) другой. Далее эта тема упирается в исследование пропаганды военного времени, задача которой состояла в том, чтобы поменять устоявшиеся представления, причем в короткий срок и чаще всего на прямо противоположные. Так, например, в странах Антанты имидж цивилизованного немца следовало поменять на «варвара», «гунна» и прочее.

Тема данного сообщения исследовалась в контексте отмеченной выше проблематики, но сужена до «case study» - конкретного эпизода реакции британской общественности на агрессию Центральных держав против двух «маленьких стран», представляющих,

с точки зрения англичан, два уровня цивилизации, или, выражаясь современным языком, две «воображаемые Европы». Хронологически тема охватывает короткий период – июльский кризис и начало августа 1914 г., т.е. до вступления Великобритании в войну. Логика такого ограничения проста: после 5 августа представления англичан о противоборствующих сторонах следовательно менять, но это была уже задача организованной пропаганды.

Возвращение к исследуемой теме начнем с констатации: непосредственным поводом вступления Британии в войну стало нарушение нейтралитета «маленькой Бельгии». До вторжения германских войск в эту страну британское правительство и пресса были разделены относительно моральных обязательств поддержки Франции. Учитывая секретную дипломатию, очень немногие знали точные условия англо-французского соглашения 1904 года («Антанты»). В обществе и в самой правящей Либеральной партии преобладали весьма влиятельные пацифистские настроения. Нарушение Германией бельгийского нейтралитета обеспечило правительству необходимые моральные аргументы для их преодоления.

Но почему именно Бельгия? Прежде всего отметим ее особое положение в системе международных отношений. Речь идет о нейтралитете, гарантированном еще в 1839 году Англией, Францией, Россией, Австрией и Пруссией. В начале 1870 г. во время франко-прусской войны Бельгии удалось, благодаря усилиям английской дипломатии, сохранить его. Однако с конца XIX века (плана Шлиффена) угроза нарушения бельгийского нейтралитета возрастала с каждым годом. Документы российских архивов, частично опубликованные накануне Второй мировой войны, свидетельствуют о том, что политики и военные авторитеты стран Антанты и самой Бельгии были уверены, что рано или поздно Германия нарушит нейтралитет соседних стран (Бельгии и Люксембурга)³. По сообщениям российского военного агента в Париже генерал-майора Ностица, генеральные штабы Англии и Франции задолго до начала войны тщательно готовились к такому развитию событий, побуждая к этому и бельгийцев. Сделать это было не так уж трудно, поскольку, по мнению упомянутого агента, их «надежды на сохранение нейтралитета становятся все более и более призрачными»⁴.

Исследования современных российских историков позволяют сделать вывод: рассчитывая на помощь гарантов своей независимости, Бельгия, тем не менее, не оставалась пассивной нейтральной державой. Страна готовилась к отражению агрессии со стороны могущественного соседа. Несмотря на то, что прецедента нарушения нейтралитета Бельгии не было ни со стороны Франции, ни со сторо-

ны Германии, все признаки указывали на то, что именно последняя, вопреки всем заверениям, откажется соблюдать международные договоры⁵. Более того, западная пресса и публицистика освещала эту тему в течение нескольких предвоенных лет. Тот же Ностиц в январе 1912 года сообщал начальнику российского генштаба Жилинскому о появлении «массы статей, брошюр и книг, в которых разбираются и критикуются вероятные планы войны». Отмечая фантастичность многих из них, агент в то же время констатировал наличие «множества интересных статей о вероятном нарушении германцами бельгийского нейтралитета»⁶.

Вопрос, который до сих пор, насколько нам известно, не ставился в исторической литературе, вот в чем: если политики, дипломаты и образованная публика⁷ знали о «более чем вероятном» нарушении Германией бельгийского нейтралитета, а военные авторитеты (генеральные штабы в первую очередь) тщательно готовились именно к такому варианту развития событий, то почему давно ожидаемое вторжение германских войск в Бельгию 4 августа 1914 г. вызвало в Англии такую бурную реакцию, буквально «переломив» общественное мнение за несколько даже не дней, а часов. Обеспокоенное раньше пацифистскими настроениями в обществе либеральное правительство Асквита получило своеобразную санкцию общественности на объявление войны. Не забудем, что это решение втягивало в войну не только Англию, но и всю Британскую империю, превращая ее (войну) в мировую.

Радикальный поворот британского общественного мнения от мира к войне зафиксировали современники тех событий. Сошлемся в этом плане на свидетельства «самого великого англичанина после Уинстона Черчилля» Бертрана Рассела⁸. «Первые дни войны повергли меня в состояние глубочайшего изумления, - вспоминал он. – Лучшие мои друзья... были настроены крайне воинственно. Люди..., строчившие годами статьи против участия в европейской войне, заняли совершенно иную позицию – пример Бельгии вышиб у них почву из-под ног» (подч. нами – Е.С.). Далее известный уже тогда ученый и философ приводит поразивший его эпизод: «Газета «Нейшн» устраивала по вторникам завтрак для сотрудников, и 4 августа я туда пошел. Редактор газеты Мэссингем выступал горячо против нашего участия в войне... На следующий день я получил от него письмо, начинавшееся словами: «Сегодня – это не вчера», и далее о том, что его мнение полностью изменилось»⁹.

Резкую смену ситуации в те дни зафиксировали и те немногие писатели, которые не поддались шовинистическому угару. Обратившийся к публике с памфлетом «Здравый смысл о войне» Бернард Шоу вызвал общее непонимание и яростные атаки тех, кого он

назвал «патриотическими агитаторами». Оригинальный писатель выразился, как обычно, неординарно. «Невозможно описать общественное настроение, - писал он позднее. – Оно было совершенно естественным и совершенно абсурдным. Романтическая экзальтация достигла небес»¹⁰. По другую сторону Ла-Манша неразгаданный до сих пор феномен воинствующего реванша именно в странах «образованного общества» пытался понять, впрочем, весьма безуспешно, не менее известный Ромен Роллан. Заняв с самого начала войны позицию, выраженную названием статьи – «Над схваткой», он писал: «Самая поразительная черта в этой чудовищной эпопее, факт, не имеющий прецедента, это – единодушие в стремлении к войне у всех народов»¹¹.

Отнюдь не претендуя на полное объяснение причин воинствующего шовинизма всего европейского «образованного общества», обратимся снова к феномену «маленькой Бельгии». Но теперь рассмотрим ситуацию под другим углом зрения. Соответственно и вопрос сформулируем иначе: почему образованная английская публика в период июльского кризиса (последняя неделя июля 1914 г.) не восприняла Сербию так же участливо, как Бельгию, а скорее наоборот.

Напомним, что события на Балканах развивались по обычному сценарию: заведомо невыполнимый ультиматум Сербии 23 июля, отказ австрийской стороны от какого-либо компромисса и объявление ею войны Сербии 28 июля. Английская дипломатия заняла в это время выжидательную позицию и оттягивала объявление войны Австро-Венгрии аж до 12 августа, причем обставила это как вынужденный шаг, а «дружественные» отношения между двумя странами культивировались и после этой даты¹². Одним словом, Сербию как жертву агрессии ближайшего союзника Германии, т.е. Австро-Венгрии, Англия не просто игнорировала, но и демонстрировала свое полное нежелание каким-либо образом ее поддерживать. Аналогично реагировала и общественность. Газеты называли Сербию «подлейшим членом семьи европейских государств» и выражали «благочестивое пожелание» «отбуксировать ее на океанские просторы и затопить»¹³. По зафиксированным воспоминаниям современника, настроению обычного англичанина тех дней наиболее соответствовал плакат непристойного (scurrilous) журнала «Джон Буль», на котором было написано «К черту Сербию!»¹⁴. Содержание плаката сопровождала редакторская статья, излагающая «справедливые требования» Австрии. Несколько позднее журналист Д. Мэрриот в весьма уважаемом журнале суммировал эти настроения таким образом: «Мы вступили в войну за красивые глазки (beaux yeux) сербских свинопасов с их вонючими головами»¹⁵.

Конечно, логика войны вынудила в дальнейшем решительно

поменять акценты. Английская пресса и особенно публицистика развернули интенсивную пропагандистскую кампанию против Австро-Венгрии, ликвидировав к концу войны все остатки былых «дружественных» отношений. В 1918 году Габсбургская империя подверглась массовым пропагандистским атакам специально созданного при Министерстве информации Отдела пропаганды на противника, который возглавил газетный магнат лорд Нортклифф.

Но нас в данном случае интересует совсем другое: почему Сербию в течение более чем трех критических в международных делах недель не признавали жертвой агрессии, а нарушении нейтралитета Бельгии за несколько часов изменило общественное настроение в Англии от мира к войне, позволив либеральному правительству Асквита без особых затруднений объявить состояние войны.

Конечно, можно было бы привести в качестве аргумента марксистский тезис о том, что война назревала давно, на это были серьезные причины и т.п. Но все же: почему именно Бельгия? Анализ конкретной ситуации требует учета не только объективных обстоятельств (как это было), но также, а может быть, в первую очередь, как все представлялось людьми того времени, причем не только политикам, но и обычным людям с традиционной английской (или британской) ментальностью.

Итак, первое, на чем следует сосредоточиться, - английский евроскептицизм. Еще в конце XIX века в одной из первых обобщающих работ по истории британской внешней политики бывший капитан королевского флота, а затем преподаватель Оксфордского университета Майкл Берроуз сформулировал интересный тезис об особом пути Британии, предопределенном ее географическим положением и наличием огромной заморской империи. В силу этого англичане больше интересуются тем, что происходит «за морями» (overseas), чем за Английским каналом (English Channel), т.е. проливом Ла-Манш. Поэтому Англия является частью Европы и в то же время не является ею¹⁶.

Несмотря на в целом пропагандистский характер популярного сочинения Берроуза, некоторые его выводы и обобщения оказались очень стойкими; в дальнейшем многие историки развивали и варьировали их для объяснения специфики британской внешней политики XVIII – начала XX вв.¹⁷. Один из них, известный славист Роберт Ситон-Уотсон, сформулировал упомянутый выше тезис в более четкой формуле – Great Britain in Europe, but not of Europe (Великобритания находится в Европе, но не является Европой)¹⁸.

Отталкиваясь далее от этой формулы, обратим внимание на ее первую часть – «Великобритания в Европе...» Но какой? Как представляли себе «Европу» англичане предвоенного времени?

Вполне уверенно можно утверждать, что под «Европой» они понимали Запад, т.е. Западную Европу, куда, кстати, неоспоримо входила «маленькая Бельгия», но никак не входила Сербия. Не так давно Ларри Вульф блестяще показал, как формировались представления «цивилизованных» западных европейцев о восточной части европейского континента. Он, в частности, утверждает, что Восточная Европа (включая Балканы) в эпоху Просвещения была конституирована как совершенно особая часть Европы, ее внутренний Восток¹⁹. Подобные представления, как и сам механизм их формирования (через противопоставление «нас, цивилизованных» - «им, нецивилизованным»), не изменились и в начале XX века. Примечательно и то, что со времен романтизма роль «иногo» в имперски ориентированном европеизме (и англосаксонизме как его разновидности) отводится именно славянам. В контексте традиционного ориентализма их описывали главным образом в терминах отсутствия: свободы, изменений, прогресса, разума и т.д., то есть именно того, что присуще Западу. Вместо этих, присущих «истинному» (т.е. западному) европейцу позитивов, - «лень», «склонность ко сну», «детская непосредственность», «беззаботность» и тому подобные «качества» народов, якобы не способных к самостоятельному историческому творчеству. В этом смысле стереотипный образ славянина мало в чем отличался от стереотипа азиата или африканца²⁰.

В соответствии с широко распространенной концепцией англосаксонизма, сформировавшимся под влиянием эволюционной теории прогресса и обладанием огромной колониальной империей, образованные британцы начала XX века представляли мир в виде пирамиды народов, построенной по расовому признаку. Где-то у подножия этой пирамиды, далеко от ее «англосаксонской» вершины, но в близком соседстве с «цветными детьми» (афро-азиатами), находились славяне. Известный писатель А. Конан Дойль образно представил место разных народов в рассказе «Ядовитый пояс». Все они размещены в порядке способности к выживанию от убийственного эфирного яда, покрывающего планету. Первыми исчезают австралийские и африканские аборигены, за ними – народы Индии, Персии, ...; в Европе славяне погибают быстрее, чем тевтоны, население юга Франции быстрее, чем севера и т.д. Спасение наступает как раз тогда, когда опасность угрожает англосаксам²¹.

Однако, хотя «ориентализация» есть установление абсолютной цивилизационной дистанции, развернуть и использовать ее можно по-разному. В начале XX века масштабное обострение противоречий между Англией и Германией отнюдь не исключало поиск компромиссов, стремления мирно разделить сферы влияния, очертить

каждой стране свою, так сказать, периферию.

Особую заинтересованность в этом плане проявляли представители влиятельных колониальных группировок, в частности средневосточной и южноафриканской. Так, например, известный колониальный деятель, популяризатор английского трансафриканского плана «Каир-Кейптаун» Гарри Джонстон призывал своих соотечественников пожертвовать народами огромного региона – от Восточной Европы до Месопотамии, включив их в «германскую сферу влияния». Он утверждал, что славяне, венгры, албанцы, курды, арабы добровольно воспримут германо-австрийскую опеку, чтобы «не остаться в состоянии изоляции и застоя»²².

Интересы средневосточной колониальной группировки не совпадали именно с таким распределением сфер влияния, но в отношении балканских народов принципиальных расхождений не наблюдалось. Лидеры этой самой влиятельной на рубеже XIX – XX вв. группировки, возглавляемой Дж. Н. Керзоном, всеми средствами утверждали пресловутую идею об «оборонительных рубежах» Индии на берегах Ефрата, Суэцкого канала и даже Босфора. Территория Балканского полуострова рассматривалась с этих позиций как близкие «подступы» к границам британской империи. Претензии Австро-Венгрии в этом регионе считались «естественными» в связи с якобы ее особой ролью в «приобщении к цивилизации варварской периферии». Габсбургская империя представлялась в таком геополитическом контексте в качестве «модели демократической свободы и терпимости». Некоторые публицисты писали даже о ее миссии на Балканах в духе «бремена белого человека» Кипплинга²³.

В то же время о балканских народах писали чаще всего в духе пренебрежения. О неповторимом «очаровании» славянского характера сообщали читателям члены созданного в 1903 г. Балканского комитета Чарльз и Ноэль Бакстоны. Популярный «левый» публицист Г.Н. Брейлсфорд третировал славян как «примитивных и необразованных»; о балканских народах в целом сообщал, что они «погрязли в хаосе варварства», а Сербия, в частности, «не представляет никакой ценности для цивилизации, так что ее политическое исчезновение не будет серьезной потерей для Европы»²⁴. В таком же стиле писал и У.Бейли, которого газета «Таймс» представила как «юриста, писателя, известного ученого». Уже после начала войны он издал свои статьи отдельной книгой, в которой сообщалось о том, что славяне «очень верят в эффективность сна», а также об их лени, пьянстве, бездеятельности и т.п.²⁵. Усмотрев некоторый «перебор» подобного рода негативов, либеральный историк Дж. Тревелиян призвал своих соотечественников «просиять умы в отношении балканских наро-

дов». «Они не остальные дикари, - убеждал он, - а крестьяне с присущими им достоинствами и недостатками»²⁶.

Итак, с точки зрения представлений англичан начала XX в., обе подвергшиеся агрессии «маленькие страны» - сначала Сербия, а потом Бельгия – географически находятся в Европе, но фактически, по уровню цивилизованности, только Бельгия принадлежит к «нашей Европе», т.е. Западу. Вот почему в период июльского кризиса 1914 г. Британское правительство, априори не имея поддержки общественно-го мнения, заняло выжидательную позицию. И наоборот, нарушение Германией нейтралитета Бельгии, принадлежащей цивилизационно к «нашей» Европе, позволило правительству Его Величества в считанные часы получить санкцию общественности на объявление войны.

Более того, грубо нарушив нормы международного права, Германия психологически проиграла войну в самом начале. Ее политические руководители, а тем более – военные, совершенно игнорировали политическую психологию масс, в данном случае – особенности английского менталитета. По мнению автора одной из первых работ по сравнительной психологии испанского исследователя Сальвадора де Мадарьяги, базовым концептом поведения англичан является понятие «fair play» («честная игра»). Требования «игры по правилам» является для них исходными в спорте, в частности, в футболе, личном общении, деловых взаимоотношениях²⁷. В качестве стереотипа оно срabатывает и в политическом поведении. Нарушив нейтралитет «маленькой Бельгии», немцы и не догадывались, какой козырь дали британским политикам. С точки зрения англичан, Германия «сыграла не по правилам», нарушила правила «честной игры». Против такого противника они готовы были воевать без формального принуждения почти два года, вплоть до введения обязательной воинской повинности в апреле 1916 года.

Примечания:

1. Stromberg R. Redemption by War: The Intellectuals and 1914. – Lawrence (Kansas), 1982. – P.6.

2. Репина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX – XXI веков // Новая и новейшая история. – 2006. - №1. – С.12-22.

3. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного Правительств, 1878-1917. – Серия 2. 1900-1913 гг. – Т.19. – Часть I. – М., 1938. – С.225; часть II. – С.74-75; Т.20. – Часть II. – С.30.

4. Там же. – Т.19. – часть I – Рапорт № 429 от 21/8 декабря 1911 г. – С.225.

5. См.: Намазова А.С. Бельгия. Исторический опыт: традиции и со-

временность. Курс лекций. – М., 2001; ее же. Источники по истории Бельгии XVIII – XX вв. в архивах и библиотеках Москвы. Аннотированный указатель. – М., 2004; Севрюкова А.О. Нейтралитет и оборона Бельгии в преддверии Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2003. – №2. – С.84-97.

6. МОЭИ. – Серия 2. – Т.19. – Часть II. – С.75.

7. К 1914 году Англия впервые в истории превратилась, по выражению Дэвида Винсента, в «номинально образованное общество». Vincent D. Literacy and Popular Culture. England 1750-1914. – Cambridge, 1993.

8. Так Б. Рассела назвала газета «The Observer». См. подробнее: Зайцев В.П. Бертран Рассел // Вопросы истории. – 2002. - №5. – С.52.

9. Бертран Рассел. Автобиография / Пер. с англ. // Иностранная литература. – 2000. - №12. – С.169.

10. Shaw B. An Autobiography, 1898-1950. The Playwright Years / Selected from his writings by Stanley Weintraub. –N.Y., 1970. – P.85.

11. Цит. по: Балахонов В.Е. Ромен Роллан в 1914 – 1924 годы. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1958. – С.48.

12. Bridge F.R. The British Declaration of War on Austria-Hungary in 1914 // The Slavonic and East European Review. – 1969. – Vol. 47. - №109. – P.415-416. Заявления о «дружественных отношениях» в период июльского кризиса 1914 г. См.: Great Britain and the European Crisis. Correspondence and statements in parliament. – London, 1914. – P.84, 85, 92.

13. Hanak H. Great Britain and Austria-Hungary during the First World War: A study on the formation of Public Opinion. – L., 1962. – P.38.

14. Promise of Greatness: The War 1914-1918 / Ed. By G.A.Panichas. – N.Y., 1968. – P.401; Haste C. “Keep the home fires burning...”. Propaganda in the First World War. – L., 1977. – P.61-62.

15. The Nineteenth Century and After. – 1914. - Vol.78. – P.1331.

16. Burrows M. The history of the foreign policy of Great Britain. – Edinburgh, 1895. – P.VII.

17. На это обратил внимание известный в свое время советский историк К.Б.Виноградов. См.: Виноградов К.Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Ленинград, 1975. – С.148.

18. Seton-Watson R.W. Britain in Europe. – L., 1937. – P.37.

19. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. – М., 2003.

20. Ерофеев Н.А. Английский колониализм и стереотип африканца // Вопросы истории. – 1971. - №12; его же. Английский колониализм и стереотип индийцев XIX в. // Народы Азии и Африки. – 1982. - №6.

21. Kiernan V.G. The Lords of Human Kind. European attitudes towards the outside world in the Imperial Age. – L., 1969. - P.315.

^{22.} The Nineteenth Century and After. – 1914. - Vol.76. – P.299-306.
Джонстон обговорював тему розділення сфер впливу з німецькими посланцями в Англії і США. См.: Oliver P. Sir H. Johnston and the scramble for Africa. – L., 1957. – P.353-354.

^{23.} Подробнее см.: Bridge F.R. The Great Britain and Austria-Hungary, 1906-1914: a diplomatic History. – L., 1972. – P.24-25.

^{24.} Brailsford H.N. Makedonia, its races and their future. – L., 1906. – P.319-320.

^{25.} Bailey W.F. The Slavs of war zone. – L., 1916.

^{26.} Contemporary Review. – 1915. – Vol. 107. – P.283.

^{27.} Madariaga S. Ingleses, Franceses, Espanoles: Ensayo de psicología comparada. – Madrid, 1925. Інформація о «базових концептах» трьох культур – Англії, Франції і Іспанії взята з інтерв'ю признаного в мирі авторитету в області семиотики, академіка Ю.С.Степанова, которое он дал редактору спеціального випуску збірника «Політична наука» М.В.Ільїну: Політична наука. Політичний дискурс: історія і сучасні дослідження. – 2002. - №3. – С.95-96.

Євген Сахновський

**Цивілізаційний розлом: реакція британської громадськості
на агрессию Центральних держав проти Сербії і Бельгії
(кінець липня – початок серпня 1914 р.)**

У статті простежується реакція британської громадськості на грубе порушення Німеччиною нейтралітету Бельгії у порівнянні з агрессию Австро-Угорщини проти Сербії. Автор пропонує оцінювати ці події як початок тимчасового розколу Західноєвропейської цивілізації.

Eugen Sahnovski

**Civilization's split: reaction of the British public on aggression of Central
powers against Serbia and Belgium (July – august 1914)**

British public's reception on the German's violation of the Belgium neutrality is elucidated in this article in comparison with Austrian-Hungary aggression against Serbia. The author proposed to evaluate it as the beginning of temporary disunity of the of the West-European civilization.

Надійшла до редколегії 24.04.2009.